

ПОСЛЕДНИЕ ЕДИНОЛИЧНИКИ В ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ (Статья 1)

В статье рассказывается о состоянии единоличных крестьянских хозяйств в Псковской области в первые годы после Великой Отечественной войны, т. е. сохранившихся в условиях завершённой сплошной коллективизации. Рассматриваются вопросы об их экономическом положении, мероприятиях партийных и советских органов по окончательной ликвидации единоличных хозяйств.

Ключевые слова: единоличное хозяйство, доходность, налогообложение, животноводство, выселение, колхоз, недоимка.

A. V. Filimonov

THE LAST INDIVIDUAL PEASANTS IN THE PSKOV REGION (Article 1)

The article describes the condition of the individual peasant farms in the Pskov region during the first years after the Great Patriotic war. The farms managed to retain in the conditions of completed compulsory collectivization. The article discusses the issues of individual peasant farms economic condition and the measures taken by the communist party and soviet bodies aimed at their final liquidation.

Key words: individual peasant farm, profitability, taxation, cattle-breeding, eviction, collective farm (kolkhoz), arrears.

История единоличных крестьянских хозяйств, существовавших после завершения «сплошной» коллективизации в 1930-е гг., а также сохранившихся и после Великой Отечественной войны, почти не изучена. Это характерно как для страны в целом, так и отдельных регионов. Незнученность темы «последних единоличников» объясняется тем, что, во-первых, внимание исследователей длительное время было сосредоточено на коллективизации, колхозах и колхозном крестьянстве, а, во-вторых, очень ограничена по динамике и положению единоличных хозяйств источниковая база. Сведения об единоличных хозяйствах очень скудны и отрывочны, содержатся они в основном в документах финансовых органов (данные налогового обложения и др.), и в различных сводках и докладах партийных и советских органов. В данной статье предпринята попытка проследить судьбу единоличных хозяйств на материалах Псковской области.

Завершение сплошной коллективизации в Псковском крае к середине 1930-х гг. отнюдь не означало всеобщего вовлечения единоличных крестьянских хозяйств в колхозы и полного их исчезновения. На 1 июля 1934 г., например, в Ленинградской области оставалось еще 202 тыс. единоличных дворов, а с учетом тех, которые оставались в деревне, но не вели сельского хозяйства, количество единоличных хозяйств достигало 285 тыс., т. е. более трети хозяйств еще не было коллективи-

зировано [3, с. 341]. По Псковскому округу в конце второй пятилетки процент коллективизации составлял 86 %, но все же немалая доля крестьян оставалась еще вне колхозов [4, с. 247]. Единоличное хозяйство на Северо-Западе России (в том числе в Псковском крае), как и в нечерноземных районах, вообще, играло в сельском хозяйстве значительно большую роль на протяжении более длительного периода, чем в зерновых, и оказалось более живучим. Объяснялось это исторически сложившимся многоотраслевым характером крестьянского хозяйства и широким развитием неземледельческих промыслов, а также близостью городов и крупных торговых поселков, где можно было сбывать продукцию, наличием большого числа мелких распыленных населенных пунктов и хуторов, население которых оказалось вовлечь в колхозы гораздо труднее.

Но государство однозначно считало единоличный сектор отживающим, не имеющим перспективы, планируя вовлечь в колхозы всех единоличников, поэтому закрывало все пути превращения единоличного хозяйства в капиталистическое товарное. Уже в 1932 и 1934 гг. на единоличные хозяйства был объявлен единовременный налог, за невыполнение которого они лишались наделов. Финансовые органы провели работу по обложению всех доходов единоличников, установили для них нормы сдачи продукции (они были гораздо выше, чем на хозяйства колхозников), единоличникам запрещалось арендовать землю, заниматься частной торговлей, пользоваться наемным трудом и орудиями, им отказывалось в льготных кредитах. Значительно ухудшилось и землепользование единоличников: они получали землю только за пределами колхозных массивов. Если размер их приусадебного участка оказывался меньше нормы приусадебного участка для колхозников, то прирезки земли им не полагалось; наоборот, там, где не хватало приусадебной земли колхозникам, от единоличников могли отрезать 10 % их участка. При землеустроительных работах единоличникам отводились, как правило, отдаленные и худшие земли. Многие единоличники, имея заработки на стороне (охотники-промысловики, рыболовы, кустари и др.), не были заинтересованы в ведении сельского хозяйства, и занимались лишь приусадебным участком, нередко сдавая в летнее время жилые помещения под дачи. Были и такие, кто занимался незаконным промыслом — спекуляцией, шинкарством, самогонварением и др., за что неизбежно рисковал понести наказание.

В таких условиях удельный вес единоличников в общей массе крестьянских хозяйств неуклонно сокращался, уменьшалась их роль в производстве сельскохозяйственной продукции. Единоличники сокращали посевные площади тех культур, которые особенно высоко облагались (зерновых и технических), поголовье коров, лошадей, предпочитая увеличивать количество мелкого скота и больше внимания уделять огородничеству и садоводству, облагавшихся ниже. Другие вообще порывали с землей, занимались неземледельческими промыслами, доходы от которых почти не облагались налогами, уходили на заработки или на постоянную работу вне сельского хозяйства. Государство доводило до единоличников плановые задания по посевам и животноводству, проверяло их выполнение, не исключая при этом и меры наказаний, особенно после 1934 г.: за невыполнение плана сдачи продукции их лишали наделов, а из урожая 1935 г. нормы сдачи продукции были повышены. В 1934 г. в среднем на хозяйство в Ленинградской области было взыскано платежей (сельхозналог, самообложение, культсбор) с колхозника — 75 руб., с единоличника — 238 руб., а с кулака — 1152 руб. [6, с. 96]. Ряд единоличников после долгого упорствования, понимая

свою обреченность, вступали все же в колхозы. На 1 января 1938 г. на Северо-Западе России осталось лишь 35 тыс. хозяйств, не вошедших в колхозы, т. е. около 10 %. На их долю приходилось 0,9 % посевных площадей, 2,8 % коров, 3,3 % овец и 1,8 % свиней [3, сс. 394, 400]. По Псковскому округу, например, только в течение 1936 г. количество лошадей у единоличников уменьшилось на 200 голов, крупного рогатого скота — на 48, овец — на 848, свиней — на 391 голову [5, с. 78].

Но даже при таких условиях единоличные хозяйства продолжали существовать, а к 1937 г. неуклонно уменьшавшееся у них поголовье скота даже выросло. Сказывалась предпринимательская жилка отдельных единоличников, сумевших в крайне неблагоприятных условиях проявлять свои потенциальные возможности. Сохранению единоличного хозяйства невольно способствовали местные руководители (районов и колхозов), которые нередко практиковали такую форму «наказания» нерадивых колхозников, как исключение последних из колхозов. Исключенные вчерашние колхозники вновь становились единоличниками. Так, в южных районах Ленинградской области, переданных в 1935 г. в состав Калининской области, исключения превысили все разумные пределы: число единоличных хозяйств здесь в 1937 г. увеличилось на 1200 (в Красногородском районе — на 840, Пушкинском — на 324) [5, с. 84]. Руководство страны пришло к выводу, что при таком подходе результаты проведенной с большими трудностями коллективизации окажутся сведенными на нет, все может вернуться «на круги своя», и СНК СССР и ЦК ВКП (б) 19 апреля 1938 г. приняли Постановление «О запрещении исключения колхозников из колхозов». Отныне к колхозникам, не выполнявшим нормы выработки и нарушителям дисциплины, рекомендовалось принимать другие меры.

Относительный рост и укрепление единоличных хозяйств, однако, ни в коей мере не меняли их перспективы: при тогдашней политике в отношении единоличников их впереди ждал только колхоз, или же переход в другие сферы экономики. Основным же средством здесь являлась налоговая политика. Под страхом полного разорения вследствие невозможности внесения всех платежей единоличники вынуждены были вступать в колхозы. В ряде мест дискриминационные меры по отношению к единоличникам настолько превысили предел допустимого, что сами власти вынуждены были признать их «вредительскими». «Вредители ...», — отмечалось в одной из сводок, — чтобы вызвать озлобление среди населения против Советской власти, переоблагали налогами, полностью разоряли хозяйства трудящихся единоличников, отбирали незаконно у них все имущество ...» [5, с. 84]. Но осуждение подобной практики (даже не ее, а лишь наиболее одиозных проявлений) неправильного отношения к единоличникам отнюдь не изменило, а хозяйства их, несмотря на все прилагаемые усилия, к началу Великой Отечественной войны, тем не менее, полностью не исчезли.

В своеобразном положении оказались единоличники в годы войны. С одной стороны, у них создавалось убеждение, что выжить в экстремальной ситуации гораздо легче в коллективе, и у части их проявилось стремление вступить в колхозы, особенно на территориях, контролируемых партизанами. Так, на территории Ленинградского партизанского края после того, как гитлеровцы опубликовали в начале 1942 г. так называемый «новый земельный закон», упразднявший коллективные хозяйства, более 300 единоличных хозяйств влились в колхозы [7, с. 175]. Но гораздо большая часть единоличников оказалась под властью оккупационных властей, и им

приходилось приспособливаться к новым условиям. У некоторых из них, особенно обиженных мерами Советской власти, мероприятия оккупантов вызвали надежды на возврат к доколхозным временам. Ликвидация оккупантами колхозов и раздел их бывшего имущества помогли ряду единоличников укрепить свое хозяйство, а после освобождения края они снова не помышляли вступать в колхозы. К тому же с окончанием войны среди людей усиленно распространялись слухи, что в благодарность народу, победившему фашизм, будут даны послабления, и, в частности, колхозов в стране больше не будет. Надежды на свободный труд на земле питали колхозники, а еще в большей степени единоличники. Но вопреки этому, возврат к довоенной модели экономического развития с приоритетом тяжелой промышленности вновь возродили потребительский подход к деревне, как источнику материальных и людских ресурсов, и означали усиление административных мер, призванных заставить сельских тружеников любой ценой сдавать продукцию государству. Преобладавшая до войны колхозная форма хозяйствования вновь была признана единственно правильной, не оставлявшей места для других. Вместо того, чтобы поддержать стремление крестьян к хозяйственной самостоятельности, разумному сочетанию различных форм хозяйствования, государство вновь пошло на применение принудительных мер, чтобы заставить людей работать в колхозах на прежних условиях.

Грубое нарушение принципа материальной заинтересованности в колхозах, отсутствие заработков, гарантировавших прожиточный минимум семье крестьянина, лишь укрепляли убеждение единоличников в бессмысленности вступления в колхозы. Так, в докладной записке Псковского райкома ВКП (б) за сентябрь 1945 г. было зафиксировано следующее высказывание единоличницы А. Т. Егоровой из деревни Сосново: «Нас загоняют насильно в колхозы, а мы в колхозе работать не хотим. Мы пожили у немца и много нажили себе, и жили очень хорошо, а здесь ничего нет». И это мнение было не единственным. В письмах в РО НКГБ того же Псковского райкома партии, например, отмечалось: «В колхозе «Ском Гора» старик Степанов Иван Иванович допускает такое выражение: «Японцев разбили, теперь со Сталиным воевать нужно». В колхозе не работает, захватил две усадьбы, имеет две коровы, настроен против колхоза. В колхозе «Красное Лихово» Афанасьев Егор, также убежденный единоличник, кричит: «Пусть сам Сталин приедет, а на работу не пойду». Поведение дезорганизатора...». «Необходимо этих стариков поставить в рамки, чтобы не распускались и не озорничали», — советовал секретарь райкома райотделу НКГБ. Подогревали подобные настроения и репатриированные из Германии колхозники, которые видели за границей более передовые и эффективные формы ведения сельского хозяйства, а на родине вновь сталкивались с невыносимыми послевоенными трудностями и прямым неуважением власти к человеку труда. Псковский райотдел НКВД, например, записал мнение одной из жительниц деревни Ваулино: «Вернулась я из Германии, и поместили нас две семьи в одну землянку. Не знаем, как начать жить, в лагерях было и то много лучше, чем здесь дома» [2, ф. 995. оп. 3. д. 26. лл. 122, 142].

В обстановке, когда во вновь образованной Псковской области, почти дотла разрушенной оккупантами, предстояло провести огромный объем восстановительных работ во всех сферах экономики и социально-культурной жизни (а возрождать необходимо было буквально всё), власти на время ослабили внимание к оставшимся единоличникам. Главной задачей было восстановление колхозного производства, поэтому на 1-й областной партийной конференции (апрель 1945 г.) об единоличных

хозяйствах даже не упоминалось — ни в докладе обкома ВКП (б), ни в прениях, а говорилось лишь о выполнении плановых заданий по сельскому хозяйству в целом. В дальнейшем чаще всего говорилось об «итогах сельскохозяйственных работ в колхозах и крестьянских хозяйствах области», также, не акцентируя специального внимания на единоличных хозяйствах. Исключение составляли лишь новые районы области — Печорский, Пыталовский и Качановский, входившие в период 1920–1940 гг. в состав Эстонии и Латвии, где единоличный сектор господствовал [2, ф. 1219. оп. 1. д. 51; д. 83. л. 37]. На повестке дня стоял вопрос о проведении в этих районах земельной реформы, в перспективе — коллективизации, и эти приоритетные задачи на какое-то время ослабили внимание к сохранявшимся единоличным хозяйствам в «старых колхозных» районах области, продлив тем самым их существование (Вопрос о вовлечении крестьянских хозяйств новых районов в колхозы требует особого рассказа, и в данной статье не рассматривается. Темой настоящего повествования является судьба единоличных хозяйств в «старых колхозных» районах). Выпавшие на какое-то время из поля зрения областных партийных и советских органов, единоличники вновь начали укреплять свои позиции и хозяйственное положение, и количество единоличных хозяйств в 1945–1946 гг. даже выросло — на 851 хозяйство, в то время как число колхозных дворов за эти же годы уменьшилось на 4609 [1, ф. 1810. оп. 1. д. 69. л. 2]. Связано это было не только с имевшими место выходами из колхозов, но и вербовкой колхозников на работу в промышленность и строительство, на лесо- и торфозаготовки, переселением во вновь присоединенную к СССР Калининградскую область, и др.

Единоличные хозяйства были представлены единоличниками, бывшими таковыми в довоенные годы, а также прежними колхозниками, оказавшимися вне колхозов в период войны и по разным причинам после неё. По-прежнему в нарушение Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 19 апреля 1938 г. имела место практика исключений из артелей колхозников, уклонявшихся от общественно-полезного труда и не выполнявших обязательный минимум трудодней, что повышало численность и удельный вес единоличных хозяйств. Бюро Псковского обкома ВКП(б) 20 января 1947 г. специально обсудило вопрос о нарушениях Постановления 1938 г., вскрыло по материалам, представленных прокуратурой, «практику огульного исключения колхозников из колхозов». Выяснилось, например, что только в Порховском районе в 18 проверенных колхозах в течение 1946 г. было исключено 75 колхозников. В колхозе «Красное Кузово» это же района на одном из собраний (29 июля 1946 г.) был исключён 21 колхозник, в артели «Новый путь» — 15. В колхозе им. Сталина Павского района за 1946 г. исключили 17 колхозников, по Гдовскому району (по неполным данным) — 51, Полновскому — 20, Дновскому — 18. Выявились при этом и факты грубого нарушения учёта. Так, по статистическим отчётам колхозов Славковского района значились исключёнными за 1946 г. лишь пять хозяйств, а по обнаруженному в райЗО протоколу общего собрания колхоза «Ударник» Горбовского сельсовета от 26 июля 1946 г. удалось выяснить, что только в этом хозяйстве было исключено 12 хозяйств. В Палкинском районе в 1946 г. было исключено из колхозов 89 хозяйств, и особенно много оказалось таковых в Новоржевском районе, где в 1945 г. исключили 106 хозяйств, а в 1946 г. — еще 462. Проверка показала, что в большинстве случаев исключения были необоснованными, а причиной их нередко служили политические мотивы: проживание в годы войны на оккупированной территории, служба членов

семей в оккупационных учреждениях, хотя чаще всего исключали за невыработку минимума трудодней. Бюро обкома отметило, что подобные факты порождают обстановку «недовольства и озлобления исключенных из колхозов, играют на руку врагам, лишают людей источника существования», и постановило в кратчайший срок изжить допущенные нарушения [1, ф. 903. оп. 1. д. 648. л. 15; 2, ф. 1219. оп. 1. д. 348. лл. 30–31].

В то же время имел место и «встречный процесс», когда бывшие единоличники все же вступали в колхозы: в течение 1946 г. по области вступили в колхозы 275 единоличных хозяйств [2, ф. 1219. оп. 1. д. 189. л. 11]. Тем более, что на местах гораздо большее стремление местных работников было направлено не столько на исключение «нерадивых» колхозников из артелей, сколько желание загнать в колхозы как можно больше жителей села из так называемого «околоколхозного» населения, и прежде всего единоличников. Характерен случай, произошедший в Середкинском районе, о котором рассказывал в «Справке» инструктор обкома ВКП (б): «На инструктивном совещании руководящего партийного актива 7 мая 1948 г. секретарь райкома дал ряд установок, где заявил: «Всех, кто ушёл из колхозов, хотя и демобилизовавшихся из армии, надо гнать в колхозы»... Член бюро райкома, начальник РО МГБ бросил реплику: «Это неверно», а секретарь ответил: «Я отвечаю за перегибы, вы мне не мешайте... Лучше перегнуть, чем недогнуть, и вас я обязываю проводить эту работу». Инструктор обкома вынужден был сделать замечание, что ориентироваться на перегибы, отменять постановления партии и правительства «нам никто не давал права» [2, ф. 1219. оп. 1. д. 594. л. 65]. Описанный случай был, конечно, скорее исключением, чем правилом, но все же ярко показывает желание отдельных местных работников как можно быстрее покончить с единоличными хозяйствами, которые они по-прежнему считали анахронизмом. На разного рода совещаниях не переставала вестись кампания против единоличников, обвиняемых в рвачестве и спекулятивных тенденциях.

В апреле 1946 г. впервые после войны единоличные хозяйства «заметило» бюро Псковского обкома ВКП (б), изучив и обсудив вопрос на примере двух районов — Новоржевского и Палкинского, и особо заострив внимание их руководителей на том, что они «не ведут никакой работы среди единоличных крестьянских хозяйств».

«В Новоржевском районе имеется 933 единоличных крестьянских хозяйства, в которых насчитывается 2448 человек, из них трудоспособных — 848 чел., — отмечалось в подготовленной для членов бюро справке. — Из 933 хозяйств 908 в колхозах не состояли вообще, при этом 31 хозяйство в свое время подвергалось раскулачиванию. В период немецкой оккупации эти бывшие кулацкие хозяйства возвратились на родину. Остальные 25 хозяйств являлись в прошлом колхозными, но в 1945 г. из колхозов исключены. Земельная площадь, занятая единоличными хозяйствами, совершенно не учтена. Например, по данным райЗО в Лобановском сельсовете значится 47 единоличников, занимаемая ими земельная площадь исчисляется в 12,78 га. Фактически же в этом сельсовете насчитывается 129 единоличных хозяйств, которые пользуются земельной площадью в 39,5 га. Аналогичное положение и в других сельсоветах. В личном пользовании единоличных хозяйств имеется: лошадей — 7, крупного рогатого скота — 265, свиней — 14, овец — 171 и коз — 12.

В Палкинском районе насчитывается 294 единоличных хозяйства, из них 275 никогда в колхозах не состояли, два хозяйства из колхозов исключены, и 17 — быв-

шие раскулаченные — вернулись в район в период оккупации. Земельная площадь, занимаемая ими — 62,5 га, из них занято под приусадебные хозяйства 44,1 га. Единоличный сектор Палкинского района в личном пользовании имеет: лошадей — 3, коров — 127, овец — 141 и свиней — 7.

В Новоржевском и Палкинском районах не выполняются государственные законы по обложению единоличников налогами, совершенно отсутствует контроль за исполнением законов по расчету единоличников с государством по важнейшим видам сельскохозяйственных поставок...». «Единоличные хозяйства по сути дела выпали из экономической жизни районов», — сделало вывод по итогам обсуждения бюро обкома. В подтверждение этого приводились конкретные факты и цифры о том, что план весеннего сева доводился далеко не до всех единоличных хозяйств, что среди последних много «недоимщиков», районные организации недостаточно привлекают единоличников к выполнению государственных планов по лесо- и торфоразработкам, к строительным восстановительным работам, в результате чего «отдельные единоличники за счет колхозов строят свое личное материальное благополучие». Выражалось это, например, в том, что единоличники беспрепятственно пользовались колхозными пастбищами, в ходы войны незаконно захватили бывшие колхозные постройки и пользовались ими до последнего времени, имели место факты хищений колхозного имущества и др. Обком партии заключил, что в указанных двух районах не ведется среди единоличников массово-политической работы, они предоставлены сами себе, райкомы ВКП (б) «не вникают в экономику и быт единоличников, не изучают их настроений», а главное — не ведут работы «по вовлечению наиболее сознательной части из них в колхозы» [2, ф. 1219. оп. 1. д. 178. лл. 131–133]. Аналогичным было положение во многих других районах области, и рекомендации, вынесенные бюро обкома, касались не только Новоржевского и Палкинского районов, но и всех остальных. Быстро и сразу, однако, избавиться от единоличных хозяйств не удалось.

Из всех первых послевоенных лет наибольшее количество единоличных хозяйств в Псковской области приходилось на 1946 г., после чего наблюдалось, хотя и медленное, но неуклонное сокращение их численности, в 1950 г. принявшее обваль- ный характер. Динамика их в разрезе районов прослеживается в таблице 1.

Таблица 1

Динамика численности единоличных крестьянских хозяйств по районам

Районы	1945 г.	1946 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.
Ашевский		466		359	244	217	214
Гдовский		15		4	5	2	1
Дедовичский		197		125	118	104	13
Дновский		152		134	112	75	37
Карамышевский		92		24	14	12	—
Лядский		35		27	25	21	8
Новосельский		91		19	5	7	—
Новоржевский		483		479	384	263	68
Островский		66		68	61	58	7

Палкинский		255		131	99	63	53
Павский		79		94	59	43	6
Пушкиногорский		116		131	108	87	6
Пожеревицкий		410		254	191	123	2
Псковский		435		130	154	165	4
Порховский		38		95	81	55	1
Середкинский		66		31	49	40	46
Славковский		223		180	160	78	19
Сошихинский		247		175	122	124	2
Стругоокрасненский		137		26	163	21	91
Полновский		Нет св.		15	7	9	—
Плюсский		Нет св.		6	54	47	—
По области	2854	3603	3389	2507	2115	1612	587

Примечания: Данные за 1946 г. приводятся исключительно по единоличным хозяйствам, за 1949 г. — вместе с «приравненными к единоличным хозяйствам» (без них число единоличных хозяйств в 1949 г. составляло 2468).

Ист. сведений: ГАПО. ф. 1810. оп. 1. д. 69. лл. 2, 5, 6; д. 155. л. 274; д. 159. л. 1; д. 161. л. 99; д. 208. л. 21; д. 222. л. 43.

Обращает, однако, внимание «скачкообразность» показателей по годам (резкие падения в некоторых районах за отдельные годы, и такие же взлеты в последующем), что связано, скорее всего, с плохо поставленным учетом. На это обстоятельство неоднократно обращал внимание обком ВКП (б), например: в Новоржевском районе «точно не знают, сколько у них единоличных хозяйств: одни называют цифру 500 хозяйств, другие большую. Одно можно сказать, что их много» [2, ф. 1219. оп. 1. д. 1076. л. 127]. Или: «В Дновском районе по данным райфо имеется 120 единоличных хозяйств. По данным ЦСУ и Уполминзага эти хозяйства числятся в «прочей группе». Из указанного количества в колхозы вовлечено 7 хозяйств, 23 являются хозяйствами рабочих и служащих. Ранее они считались единоличными хозяйствами потому, что по инструкции облагались как единоличники...» [2, ф. 1219. оп. 1. д. 1207. л. 114]. Аналогичным было положение в большинстве районов. Наиболее тщательно численность единоличных хозяйств отслеживали финансовые органы, заинтересованные в более полном сборе налогов и различных платежей, но и здесь с учетом не все обстояло благополучно. По итогам сборов в 1948 г., например, облфинотдел дал указание всем райфо вторично обследовать все хозяйства, имеющие неземледельческие и рыночные доходы. Выяснилось, например, что Дновский райфо «недооценил важность и значение обложения сельскохозяйственным налогом единоличных крестьянских хозяйств. При наличии в районе роста единоличных хозяйств (на 23 %) и источников дохода (коров — на 51 %, овец — на 45 %) рыночные доходы по сравнению с 1947 г. уменьшились в три раза...», «Порховский райфо по состоянию на 10 мая из 114 еди-

ноличных хозяйств ни одного из них не обследовал. Славковский райфо из 72 единоличных хозяйств обследовал только 13... Аналогичное положение в Островском, Павском и Новосельском районах...» [1, ф. 1810. оп. 1. д. 117. лл. 59, 130, 131].

При всей неточности и противоречивости имеющихся данных, они, тем не менее, позволяют проследить динамику единоличных хозяйств: неуклонное уменьшение числа с неизбежностью вело в перспективе к полному их исчезновению. Местные власти, преследуя цель покончить с единоличным хозяйством, намеревались путем присоединения их скота и инвентаря в некоторой степени укрепить колхозы. Единоличникам предлагали «по-хорошему» вступить в колхоз, в противном случае давали понять, что их ожидает ссылка с конфискацией имущества. На единоличников распространялись почти все мероприятия, касавшиеся колхозов и колхозников. В 1946–1947 гг., например, с повестки дня партийных и советских органов не сходили вопросы о ходе выполнения Постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» от 19 сентября 1946 г., осуждавшего практику разбазаривания общественных земель. Одним из таких нарушений считалось незаконное увеличение приусадебных участков колхозников, «излишки» которых после проведенных обмеров отрезались. Эта мера в полной мере коснулась и единоличных хозяйств. Обнаружились, например, многочисленные факты «захвата» ими колхозных земель в Пушкиногорском районе: в Велейском сельсовете — от 0,03 до 0,19 га на каждое хозяйство, в Белогульском — от 0,04 до 0,10 га. [2, ф. 1219. оп. 1. д. 594. л. 108], как и в других районах области. Подобная практика антиколхозного характера не носила: единоличники, как и колхозники, чаще всего разрабатывали в добавление к своим участкам пустующие земли, в которых колхозы не нуждались.

В стремлении поднять в колхозах трудовую дисциплину, 2 июня 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни». Колхозники, не выполнявшие обязательного минимума трудодней, и за прочие «грехи», решениями общих собраний подлежали выселению в Якутию, Приморский, Хабаровский и Красноярский края, Читинскую, Иркутскую, Тюменскую, Кемеровскую области сроком на 8 лет, где труд их использовался в добывающей промышленности, на лесозаготовках и строительстве шахт, а также в сельском хозяйстве. По истечении пятилетнего срока высланные могли ходатайствовать, с согласия общего собрания, о возвращении на постоянное место жительства.

Казалось бы, никакой нормы трудодней для единоличных хозяйств не существовало, но указанное мероприятие коснулось и их. Так, в марте 1951 г. начальник УМВД по Псковской области Н. А. Воробьев сообщил в обком партии, что «во время этапирования выселенные в отдаленные места страны Григорьев Н. К., Ершов И. И., Рачук М. Е., Нестеров И. С. и Богданов Г. С. заявили, что в отношении их Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. применен, якобы, неправильно». Далее начальник УМВД писал, что «произведенной проверкой установлено, что все из перечисленных выше лиц, сделавших такое заявление конвою в пути следования, выслены правильно и обоснованно», и проводил «бесспорные» доказательства их вины:

Григорьев Н. К. (Палкинский район) является сыном антисоветчика, репрессированного в 1937 г. органами НКВД. Сам Григорьев и после войны в колхоз не всту-

пил, оставался на хуторе, как единоличник, имел в личном хозяйстве корову, нетель, пчелопасеку. Своим поведением около колхозников разлагал трудовую дисциплину, систематически уклонялся от выполнения общественного труда, отказывался от переселения с хутора и т. д. В письме Н. А. Воробьева указывалось, что «Григорьев, будучи на фронте в период войны 1941–45 гг., неоднократно отмечался, как отличник боевой и политической подготовки, имел Грамоту за подписью Маршала Говорова и несколько благодарностей т. Сталина, награжден 6 орденами и медалями. Между тем, по послужному списку, находящемуся в РВК, это подтверждения не находит. Григорьев имел лишь один орден Славы III ст. и две медали. Ранений и контузий не имел, а прошлые отдельные положительные черты на фронте не могут служить для оправдания паразитического образа жизни в настоящем»;

Рачук М. Е. (Островский район), «будучи единоличником, пользовался всеми благами колхоза, систематически спекулировал и занимался антисоветскими разговорами, направленными на подрыв колхозного строя. В период Великой Отечественной войны находился на оккупированной территории, активно сотрудничал с немцами»;

Богданов Г. С. (Новоржевский район) заявил, «что он выселен неправильно, что имеет преклонный возраст. В действительности, в момент выселения он имел от роду 51 год. По остальным признакам он также выселен правильно. Ссылка Богданова на то, что его брат находился на службе при Генштабе СА, не может служить доводом для реабилитации. На протяжении длительного времени Богданов вел паразитический образ жизни, имея в личном хозяйстве корову, лошадь и мелкий скот, допускал систематическую поправку колхозных посевов, самовольно захватил 1,88га колхозной земли и спровоцировал захват земли 19 другими единоличниками и т. д. Богданов должен был привлечен к уголовной ответственности по ст. 58–2, но выселение состоялось ранее и он направлен по месту выселения...» [2, ф. 1219. оп. 2. д. 70. л. 57–58].

Главными причинами выселения указанных единоличников, как можно заметить, служили политические мотивы, а отнюдь не «паразитический образ жизни», который в целом для них было мало характерен: единоличники вели собственное хозяйство, державшееся на их личном труде, и уклоняться от трудовой деятельности они просто не могли. К тому же власти опасались «разлагающего» влияния единоличников на односельчан-колхозников, которые нередко жили хуже первых, а главное – завидовали им: ведь единоличникам никто не указывал и не диктовал условия ведения своего хозяйства. Так, при обсуждении вопроса по материалам Новоржевского и Палкинского районов в апреле 1946 г. бюро обкома ВКП (б) заметило, что «отдельные председатели колхозов не ведут борьбу за организационно-хозяйственное укрепление колхозов, не проявляют стремления к тому, чтобы их колхозы были образцовыми и наглядно показывали единоличному сектору все выгоды и преимущества коллективной формы хозяйства». В такой обстановке единоличники нередко противопоставляли себя колхозникам, заявляя последним, как это имело место в Палкинском районе: «Работаете вы много, а за свою работу ничего не получаете. Мы, единоличники, живем лучше, чем вы, не голодаем» [2, ф. 1219. оп. 1. д. 178. л. 133].

Существовали единоличники, главным образом, за счет доходов от собственного хозяйства, занимаясь полеводством, животноводством, огородничеством, садоводством, немалую роль играла такая доходная отрасль, как пчеловодство. Заметной была и доля доходов от реализации части произведенной продукции и промыслов на

рынке. Весьма значительная доля единоличных хозяйств, однако, не имела ни рыночных, ни сельскохозяйственных доходов, а представляла собой полунатуральные дворы, существовавшие лишь с огорода и благодаря занятости членов семей на временных или постоянных работах в промышленных предприятиях, мастерских, МТС, кооперативных организациях и различных учреждениях. Представление о статьях доходах единоличников на протяжении 1946–1951 гг. дает таблица 2.

Таблица 2

Изменение статей доходности единоличных крестьянских и приравненных к ним хозяйств в Псковской области

Группировка хозяйств по источникам доходности	1946 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.
Всего учтенных хозяйств	3705	2507	2182	1681
Из них:				
- не имеющих ни рыночных, ни сельскохозяйственных доходов	3329–89,0 %	1408–56,2 %	1240–56,8 %	1109–66,0 %
- имеющие рыночные доходы, но не имеющие сельскохозяйственных доходов	100–2,6 %	442–17,6 %	260–11,9 %	241–14,3 %
- имеющие сельскохозяйственные доходы, но не имеющие рыночных доходов	244–6,5 %	436–17,4 %	454–20,8 %	220–13,1 %
- имеющие рыночные и сельскохозяйственные доходы	32–0,8 %	221–8,8 %	228–10,4 %	101–6,0 %

Ист. сведений: ГАПО. ф. 1810. оп. 1. д. 69. л. 1; д. 159. л. 1; д. 183. л. 1; д. 210. л. 2; Проценты подсчитаны автором

По данным на 1947 г. общая посевная площадь единоличных хозяйств по области превышала 74 тыс. га, из которых более половины (58,4 %) приходилось на зерновые посевы, на втором месте стояли кормовые культуры (большой частью многолетние травы) — 22,2 %, затем шли овощи и картофель, занимавшие 12,5 % площадей, и совсем небольшие площади отводились под лен — всего 6,9 %. Данная структура посевных площадей почти не менялась и в последующие годы [2, ф. 1219. оп. 1. д. 395. л. 210]. В общей массе посевных площадей области доля единоличников была крайне небольшой. Немалую роль наряду с полеводством играло и животно-

водство, но единоличники предпочитали разводить преимущественно мелкий скот (овец и коз), пчел, в то время как доля хозяйств, не имевших коров, была весьма значительной. Еще меньше было в собственности единоличников лошадей. Наоборот, хозяйства, имевшие их, являлись даже своего рода исключениями, но это давало возможность владельцам лошадей заниматься извозом, оказывать гражданам разных категорий услуги, приносящие побочные доходы. Сведения о наличии скота в единоличных хозяйствах представлены в таблице 3.

Таблица 3

Наличие скота в единоличных крестьянских хозяйствах (голов)

	1949 г.	1950 г.	1951 г.
Лошади	24	27	5
Коровы	764	680	343
Овцы и козы	1156	1339	741
Свиньи	11	13	5
Ульи пчел (шт.)	597	754	489

Ист. сведений: ГАПО. ф. 1810. оп. 1. д. 183. л. 51; д. 210. л. 15

В целом же численность скота единоличных хозяйств была незначительной по отношению не только к его общему поголовью в области, но и к общему числу единоличных хозяйств.

При всем этом большинство единоличных хозяйств были мало доходными, даже бедными, а количество дворов с более-менее высокими доходами на протяжении послевоенных лет сокращалось, что видно из таблицы 4.

Таблица 4

Распределение единоличных хозяйств по размерам доходов
в начале 1950-х гг.

Группы единоличных крестьянских хозяйств по размерам доходов	1950 г.		1951 г.	
	В абс. числах	В %	В абс. числах	В %
Всего учтенных единоличных крестьянских хозяйств	2182	100	1671	100
Из них: с доходом до 2000 руб.	1368	62,7	1202	71,9
2000–3000 руб.	179	8,2	169	10,1
3000–4000 руб.	320	14,7	218	13,0
4000–5000 руб.	156	7,1	48	2,9
5000–6000 руб.	71	3,3	22	1,3

6000–8000 руб.	72	3,3	10	0,6
Свыше 8000 р.	16	0,7	2	0,1

Ист. сведений: ГАПО. ф. 1810. оп. 1. д. 183. л. 1; д. 210. л. 53; Проценты подсчитаны автором.

Источники и литература

1. Государственный архив Псковской области (ГАПО).
2. Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО).
3. Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе (1927–1937 гг.): Документы и материалы. Л., 1970.
4. Очерки истории Псковской организации КПСС. Л., 1971.
5. Иванов Е. П. Коллективизация крестьянских хозяйств и ликвидация кулачества как класса на Северо-Западе РСФСР (1927–1937 гг.): Учебное пособие по спецкурсу. Л., 1983.
6. Отчет Ленинградского областного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов IV-му областному съезду Советов. Л., 1935.
7. Петров Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941–1944 гг. Л., 1973.